

Тверская, 13. - 2003 - 6 марта. - с. 8

ТАНГО С ЛАЙМОЙ

- Конечно! Начиная себя ругать: почему же я опоздала, как же так? Ведь я уже никому не смогу рассказать, что это была МОЯ идея и я ее ни у кого не украла! Так, кстати, было с моим спектаклем в стиле танго. Я ни у кого ничего не подсматривала, делала, как велит душа. А оказалось, что танго во всем мире с недавнего времени снова в большом почете и ничего нового я не придумала. Хотела как-то поставить номер с тросточками, а посмотрела концерт Джанет Джексон и поняла, что вовремя одумалась. Все в этом мире уже было.

- Однако никто не поверит, что у Лаймы не осталось никаких идей...

- Они конечно же есть, но раскрывать их преждевременно. Скажу лишь, что сейчас я думаю о новой программе, которую хочу показать в конце нынешнего или начале 2004 года.

- Что же на очереди - вальс, фокстрот или, может быть, румба, джайв?

- Нет, придумано что-нибудь совсем уж для престарелых (смеется). Новая программа будет конечно же современной. Может быть, правда, я от чего-то откажусь - от балета, например. Его сегодня используют так много людей, что если бы я не любила своих танцоров, то давно бы, наверное, от них ушла. Кстати, уже сейчас, если вы заметили, я нередко работаю на сцене одна - со стулом, стойкой микрофона... Просто хочется сделать шоу не как у всех.

- Сейчас очень популярны латиноамериканские ритмы. Вы ведь тоже отдали этому дань - в песнях из альбома «Латинский квартал», в своих постановочно-танцевальных номерах...

- Нет, это было связано только с концертом в стиле танго. И все мои романтические тексты соответствовали этой затее. «Не верю, что можно всегда любоваться закатом, не верю, что праздник не станет однажды кошмаром, не верю тоске, что летит на меня ягуаром...» Это Виктор Пелевягрэ, член ордена куртуазных маньеристов, поэт, которого я обожаю. Эти стихи мы не можем даже критиковать - так они хороши.

- Поэт Михаил Танич как-то сказал, что Лайме довольно трудно угодить... - Дело в том, что стихи обязательно должны гармонировать с тем образом, который я рисую для каждой конкретной песни. Я глубоко уважаю этого талантливейшего поэта, написавшего десятки народных шлягеров. Но его творческое видение, случается, не всегда совпадает с моим. В принципе, это нормально.

- Вы можете назвать себя капризной? - Нет, я, скорее, требовательна. И к самой себе, и к своим авторам и партнерам. Паулс мне всегда говорил: спела, забудь, дальше. Многие так и делают. А мне каждую песню хочется без конца отшлифовать, улучшать.

- Что ж, скрупулезность в работе и неудовлетворенность творческим результатом всегда отличала большого артиста от среднего. Но исполнительская культура на эстраде, к сожалению, падает. Можно ли с этим бороться?

- Я думаю, на этот вопрос должна ответить публика, это больше ее проблемы. Сегодня мы поставлены в условия рынка, а значит, выживет тот, на кого пойдут.

- Но ведь многие молодые певцы не умеют даже на сцену выйти красиво, принять цветы, раскланяться...

- Скажу больше: порой у них нет главного - понимания сцены, трепета перед ней. Перед концертом, например, ни в коем случае нельзя выглядывать из-за кулисы, трогать занавес. Нельзя есть меньше чем за два часа до выхода, а у нас едят чуть ли не во время выступления... Любовь и уважение к сцене может быть или не быть - этому нельзя научить.

- Нередки случаи, когда начинающая молодежь пренебрежительно относится к мэтрам...

- Это отсутствие внутрен-

ней культуры. Когда какая-то девочка или мальчик, спевшие одну модную песенку и возмнившие себя звездами, с ухмылкой смотрят на Пьеху или, допустим, Лещенко, то они просто не понимают, что их мизерный успех даже отдаленно не сравнится с той славой, какую испытали Эдита Станиславовна и Лев Валерьянович. Я уважаю всех артистов, которые были до меня. К тому же они работали в условиях сумасшедшей цензуры и пели всегда вживую.

- А вы никому не хотели бы передать свой артистический опыт?

- Почему же? У меня растет племянница, и если у нее обнаружится талант, я буду с ней заниматься.

- Может, стоит открыть свою школу?

- Вероятно, только не сейчас. Мне часто не хватает времени, чтобы погулять со своими собаками. Организовать дело - это огромный труд, финансовые затраты,

поиск единомышленников...

- Но косметический салон «Лайма» в Риге ведь функционирует...

- Там работают профессионалы: сами себя окупают, делают ремонты, сами берут у меня в долг и сами потом рассчитываются. Но все равно им никогда не вернуть того, что я вложила. Качество услуг я, разумеется, контролирую, потому как салон носит мое имя. Я регулярно там причесываюсь.

- Но для того чтобы хорошо выглядеть, надо, наверное, еще и правильно питаться. Вы не раз признавались, что едите мало и в основном зелень, фрукты, овощи, орехи. Но ведь сцена требует физических сил, энергии...

- Я всегда говорю, что я ем, ем, ем, а потом не ем, не ем, не ем. Конечно, силы нужны, и если мне предстоит работать стадион, то за два-три часа до концерта я хорошо поем. Но когда ты худеешь, тебе это стоит в два раза дороже. Что делать, сцена требует таких жертв.

- Некоторые певицы выглядят довольно немощными от строгих диет...

- Возможно. Но как быть иначе? Нет выхода. Я думаю, наши певицы и певцы выглядят усталыми только потому, что это адский труд. Ни один артист в мире не зарабатывает только концертами. Я помню время, когда у меня было семьдесят концертов за десять дней. Когда я рассказывала об этом в Америке, мне не верили и думали, что я перепутала цифры. Я зарабатывала себе узлы на связках - под фонограмму тогда не пели, да я бы и не смогла.

- Часто приходится слышать, что за все в этой жизни надо платить. Ваше отношение к астрологии, гаданиям, мистике?

- Я никогда не стремилась узнать свое будущее. Жизнь - зебра: если сегодня тебе хорошо, то завтра обязательно будет плохо. И наоборот. Когда мне было 14 - 15 лет, мама водила меня к гадалке, и та, руководствуясь какими-то старинными книгами, по линиям рук предсказала мне, что моя жизнь будет связана с гастролями, разъездами. Правда, она не сказала, что я буду певицей. Кое-что из того, что она нагадала, сбылось. А одна моя подружка на спиритическом сеансе, вызвав духа, спросила, кем была в прошлой жизни Лайма? И ей ответили: ее звали Лаура, она была возлюбленной Петрарки (улыбается).

- Не слышала...

- Я, правда, несерьезно к этому отнеслась. Кстати, эти духи еще скажи, что занимаюсь подобными вещами небезопасно: можно попасть в дьявольские сети.

- Но ведь Лайма-актриса тоже своего рода колдунья: вы привораживаете к себе публику порой помимо ее воли...

- Да? Мне не хотелось бы так думать. Я всегда жила своей жизнью и не понимаю людей, которые живут чужой. С другой стороны, я и сама околдована...

- Господь с вами! Кем?

- Да это уже все знают - собаками. Я их люблю, обожаю. Причем любую. Когда слышу о фактах их ловли и дальнейшей расправы, мне становится физически плохо. Я даже хотела создать общество защиты собак и провести у стен Кремля весеннюю акцию-концерт.

Беседу вел Сергей СОСЕДОВ
Фото Ирины Калединой

Порода людей, представителем которой является Лайма ВАЙКУЛЕ, крайне редка и немногочисленна. Эти люди, как правило, ласковы, но холодны, гурмановидны и загадочны. Сколько бы мы ни восхищались безупречной пластикой Лаймы, аристократичностью ее манер и тонким художественным чутьем, мы никогда не постигнем до конца таинства ее волюнтаристической творческой натуры. Так же, как и она себя. Слово экзотическая северная птица, перелетает она рубежи и рубиконы - пространственные и временные. Никто уже не помнит, сколько лет в нашем тревожно-суетном бытии парит ее чуть приглушенный, обволакивающий голос. Но каждый знает: Лайма - это не только имя, а своего рода гербовая печать в анналах современного российского шоу-бизнеса. В жизни она немногословна и отчасти скромна. Типично западная женщина - стильно одета, демократично причесана, всегда приветлива, с неизменной улыбкой на устах.

- Лайма, танцуй со своим партнером во время исполнения песни, вы, вероятно, должны чувствовать себя одинокой, ведь стиль дорогого варьете, исповедуемый вами, не покорился больше никому на нашей эстраде?

- Нет, мне не кажется, что я такая уж особенная, индивидуальная. Я такая, как все. В этом же жанре работают и Майкл Джексон, Мадонна, Принц, отчасти Лайза Минелли. Но это вовсе не кабаре и не варьете, а просто такой вид популярной музыки, где артисту для самовыражения не обходимо балет, пластика. Один из моих последних спектаклей «Лайма в стиле танго» - это что-то близкое к мюзиклу.

- Вы хотите сказать, что у варьете другие законы?

- Варьете - это прежде всего демонстрация оголенных частей тела, своеобразное завлечение танцовщицами особой мужского пола и наоборот. Балет там тоже, конечно, используется, но имеет больше шуточное, прикладное значение. У эстрады же совершенно другой посыл: здесь главное не тело, а мысль, выраженная в слове и музыке. Мой крестный отец владыка Виктор, побывав на моем концерте,

назвал этот жанр псевдоретро. Наверное, его можно окрестить и как-то иначе.

- Скорее, неоретро...

- Называйте, как хотите. Суть в другом: я не знаю, что будет завтра. Я могла бы, конечно, поставить и варьете, но пока не готова к этому. А потом... Боюсь, что уже опоздаю: возраст...

- Кстати, Лайма, как вы находите артистов для своего балета? Я знаю, некоторые из них живут в Эстонии, Латвии, на Украине...

- Это все случаи. Нужен танцор - ищешь. Кто-то приходит из уже известных коллективов, кого-то приводят мои бывшие танцоры. То же самое и с девочками: если одна по каким-то причинам уходит - у меня есть на примете несколько других.

- Ваши критерии отбора?

- Их много. Во-первых, это должен быть профессионал, во-вторых, нормальный человек, в-третьих, он должен хорошо выглядеть сценически. Это не значит, однако, что я ищу людей с каким-то особенным ртом или глазами: важно, чтобы артист был интересен прежде всего как творческая личность.

- Хорошо, тогда какие требования вы предъявля-

ете к песне? Вас не смущает, к примеру, что припев хита «Акапулько», написанного Игорем Крутым, до боли напоминает незабвенную «Ах, Самара, городок»?

- Вы знаете, я никогда бы в жизни об этом не догадалась, если бы сам Игорь мне потом не напел. Причем и до него это дошло, когда песня была уже записана. «Но ты веришь, что я не списывал?» - спрашивал он меня потом. Подобная история была у меня и с Паулсом. Однажды он предложил мне песню, которая очень сильно напомнила какую-то известную мелодию. Я ее напела, и Раймонд тут же выбросил сочинение в корзину. Музыка рождается комбинацией семи нот, поэтому какие-то произвольные заимствования, видимо, неизбежны.

- Кстати, в мире немзыкальных идей нередко происходит то же самое...

- Да, и я с этим постоянно сталкиваюсь. Репетируешь, бывает, какие-то новые движения, вынашиваешь оригинальные проекты, а потоммотришь - в мире одновременно появляется нечто подобное.

- Вы переживаете из-за этого?